

Иван Сабило

ВТОРАЯ ИПОСТАСЬ ПЕДАГОГИКИ

Вероятно, мир не знает более древней науки, чем педагогика. Во все времена люди сами учились и учили других. Даже тогда, когда и наук-то ещё не было, а делали это по догадке, опираясь на опыт прошлого, или озаряясь светом интуиции. С веками все догадки, весь человеческий опыт запечатлевался не только в памяти и передавался из уст в уста, но и находил себе место в рукописях и книгах, и становился наукой. Впрочем, есть специалисты, которые педагогику относят и к науке, и к искусству. И это, на наш взгляд, лишь возвеличивает её.

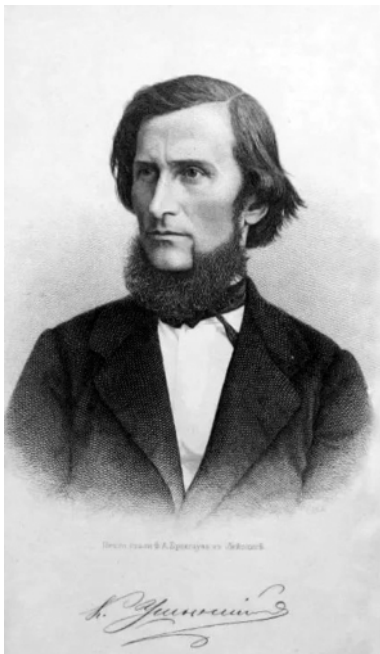
Каждое государство, каждый народ придавал и придаёт особое значение тому, *чему и как* учить своих граждан, прежде всего, — детей. В их числе и наша страна, давшая миру немало видных учителей. Сегодня речь пойдёт о педагогике, точнее, о двух выдающихся русских педагогах — Константине Дмитриевиче Ушинском и Льве Николаевиче Толстом. И повод для этого подходящий — в 2023 году исполняется 200 лет со дня рождения Ушинского (19.02.1823–2.01.1871) и 195 лет — Толстого (9.09.1828–7.11.1910). Именно их считают основоположниками отечественной научной педагогики. Они оба учителя, оба писатели. А разница между ними в том, что Ушинский наиболее известен как педагог, а Толстой — как писатель. Хотя были они современниками, нам, к сожалению, не удалось обнаружить свидетельств их непосредственного общения, личных контактов и прямого взаимодействия. Может быть, их и не было. Но, несомненно, что они знали друг друга по их книгам и многочисленным публикациям в периодике. Только, видно, не сложилось им сблизиться для совместных дел или даже просто разговоров.

Не ставя перед собой задачу соединить двух русских гениев, хочется понять особенности педагогических воззрений Ушинского и Толстого и представить их как единомышленников в решении главных вопросов педагогики и жизни для подрастающего поколения.

* * *

Константин Дмитриевич Ушинский родился в Туле 3 марта 1823 года (по другим данным годом позднее). Тульская земля явилась родиной и Льву Николаевичу Толстому, но пятью годами позже. Судьба отпустила им разный жизненный срок: Толстому 82 года, Успенскому — 47.

Его отец, Дмитрий Григорьевич — офицер в отставке, участник Отечественной войны 1812 года. Мать — Любовь Степановна ушла из жизни, когда сыну не исполнилось 12 лет. Вскоре после рождения сына Дмитрия Григорьевича назначили на службу в Полтавскую палату судей, в небольшой уездный городок Новгород-Северский Черниговской губернии. Там Константин, благодаря своей матери, получил хорошую домашнюю подготовку. Она привила сыну любовь к чтению, к изучению русского языка и наук. После её смерти в 1835 году

он был принят сразу в третий класс Новгород-Северской гимназии, о преподавателях которой он отзывался с чувством глубокого уважения и благодарности во взрослые годы. В 1840 году К.Д. Ушинский поступил на юридический факультет Московского университета, закончил его кандидатом юриспруденции и был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. В то время в нём проявился глубокий интерес к вопросам философии и литературы. Не чужд он был и проблемам расширения грамотности и образования русского народа.

В 1946 году его назначили и.о. профессора камеральных (естественных) наук Ярославского демидовского лицея. Свои убеждения

и мысли о необходимости большей демократизации российского образования он не скрывал от учащихся и преподавателей. Это возмущало некоторых коллег-консерваторов, и они требовали применить к нему радикальные меры. В 1949 году глава Ярославской губернии генерал-лейтенант А.П. Бутурлин докладывал в Министерство народного просвещения, что «...профессора лицей Ушинский и Львовский подали слишком невыгодные о себе понятия за свободу мыслей и передачу оных воспитанникам лицей». В том же году Ушинский оставил лицей, написав прошение «об увольнении в Петербург или Москву для совещания с тамошними медиками о своей болезни».

Долгое время он не мог найти себе преподавательскую работу, зарабатывая на жизнь семьи литературным трудом — сотрудничал в журналах «Современник» и «Библиотека для чтения». В 1851 году он женился на Надежде Семёновне Дорошенко. В их счастливом браке родятся шестеро детей. В 1854 году ему удалось перейти на преподавательскую работу в Гатчинском сиротском институте. Здесь он обнаружил архив одного из прежних инспекторов института Е. Гугеля, в котором, как писал Ушинский, нашёл полное собрание педагогических книг. Позже под их влиянием написал одну из лучших своих статей «О пользе педагогической литературы». После огромного общественного успеха этой публикации Ушинский стал постоянным автором «Журнала для воспитания». В нём он печатал статьи, в которых выражал свои взгляды на систему воспитания и образования в России.

В 1859 году Ушинского пригласили на должность инспектора классов Смольного института благородных девиц, где он смог провести значительные прогрессивные изменения. Ему удалось удалить существовавшее до этого разделение состава учащихся на «благородных» и «неблагородных» (т.е. из мещанского сословия). Но и здесь оказался ряд преподавателей весьма критически относились к его деятельности и взглядам на педагогику. После конфликта с начальницей института М.П. Леонтьевой¹, которая обвинила его в «вольномудстве», он под благовидным предлогом в 1862 году был удалён из института и с семьёй направлен на пять лет за границу «для лечения и изучения школьного дела».

В эти годы он побывал в Швейцарии, Германии, Франции, Бельгии, Италии, где посещал и изучал женские школы, детские

¹ Мария Павловна Леонтьева была начальницей института с 1839 по 1875 гг.

сады, приюты и обычные школы. Особый интерес у него вызвали учебные заведения Германии и Швейцарии, считавшиеся в то время самыми передовыми в части новаций в педагогике. Свои наблюдения и письма этого периода он представил в статье «Педагогическая поездка по Швейцарии». Ушинский считал: *«Быть педагогом — это искусство, врождённый талант, наука, мастерство... Не может воспитывать детей чиновник. Для преподавания в школе преподавателю нужно быть всесторонне образованным христианином, имеющим призвание к педагогической деятельности и знакомым теоретически, и ещё более практически с искусством воспитания. Педагогом может быть тот, “кто имеет целостность, беззаветную искренность души; кто не торгуется с самим собой, кто сохраняет в себе вечно не стареющее детство души”».*

В 1865 году Ушинский вернулся в Россию. Свой последний научный труд «Человек как предмет воспитания, опыт педагогической антропологии» он начал печатать в 1867-м году. Через год вышел первый том, ещё через полгода — второй. Третий том остался незавершённым. В этой работе Ушинский обосновал сам предмет педагогики, его основные закономерности и принципы.

Чем же замечательны взгляды К.Д. Ушинского на образование? Изначально тем, что он освещал вопросы содержания образования, сущность процесса обучения, принципы и частные методики просвещения. Он создал превосходные учебники «Родное слово» и «Детский мир», которые, как нельзя кстати, явились в детскую педагогическую литературу. Как педагог-психолог он разрабатывал наиболее приемлемые методы обучения, изложил психологическую основу идей — дал характеристику мышления, памяти, внимания, воображения, чувств, воли. Он представил ясную программу преобразования русской школы, чтобы привести её в соответствие с развитием страны. Основные принципы его учения состоят в том, что: теория должна подкрепляться практикой; в воспитании следует добиваться народности и демократизации; воспитывать нравственность; утверждать гуманность как основу просвещения. Хорошо известны и до сих пор популярны его статьи: «О народности в общественном воспитании», «Труд в его психическом и воспитательном значении», «Детский мир и Хрестоматия», «О необходимости сделать русские школы русскими».

Эти же принципы и взгляды прочитываются и в его литературных произведениях: простые, доходчивые они легко читаются

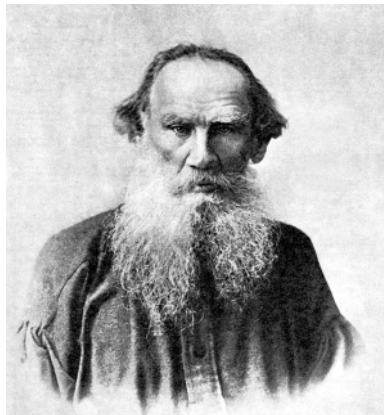
и запоминаются навсегда. Например, в нравоучительной сказке «Ветер и Солнце», где злой и коварный Ветер решил померяться силами с ласковым и добрым Солнцем, побеждает, естественно, Солнце, которое, «...видя бессилие своего соперника, улыбнулось, выглянуло из-за облаков, обогрело, осушило землю, а вместе с нею и бедного полузамёрзшего путешественника. Почувствовав тепло солнечных лучей, он приободрился, благословил Солнце, сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу. Видишь ли, — сказала тогда кроткое Солнце сердитому Ветру, — лаской и добротой можно сделать гораздо больше, чем гневом».

Здоровье Константина Дмитриевича ухудшалось. Летом 1870 года он узнаёт о гибели на охоте его старшего сына Павла, после чего решает переехать жить с семьёй в Киев, покупает дом на Тарасовской улице, и с сыновьями — Константином и Владимиром — едет лечиться в Крым. По дороге он простудился и остановился для лечения в Одессе, где и скончался 22 декабря 1870 (3 января 1871) года.

Константин Дмитриевич Ушинский похоронен в Киеве на кладбище Выдубицкого монастыря.

* * *

Лев Николаевич Толстой также рано стал сиротой: его мать Мария Николаевна умерла через два года после его рождения, отец — когда ему было девять лет.

Его ранними наставниками были не особенно образованный немец-гувернёр Фридрих Рёссель (в быту Фёдор Иванович), учивший мальчика немецкому языку, и тётушки — французскому. Тётушки преподавали умело и на совесть, что подтверждают многие страницы «Войны и мира», написанные по-французски. У Льва было три старших брата и сестра. Особая роль в обучении и воспитании детей принадлежала их отцу Николаю Ильичу — высокообразованному русскому офицеру, участнику войны 1812 года. Он прививал детям любовь к Родине, воспитывал в них патриотический дух и чувство собственного достоинства.

Хорошо запомнил Лев Николаевич и ещё одного домашнего учителя — француза Сен-Тома, который сменил Фёдора Ивановича. Он учил со Львом латынь и отличался исключительной строгостью в подходе к учёбе. Когда однажды Лёвочка не выучил заданный урок, он запер его в чулане. Этот «арест» вызвал ненависть к насилию, которую он пронёс через всю свою жизнь. Гимназию Лев Толстой никогда не посещал, получая, как это часто было принято в дворянских семьях, домашнее образование. В 16 лет поступил на первый курс восточного отделения Казанского университета. Он решил стать дипломатом, а для этого нужно было знать восточные языки. Но учёба не захватила его, наоборот, возмущало то, что приходилось заучивать наизусть всякую блажь, которая, как он считал, никогда ему не пригодится. Не помог и переход с восточного факультета на юридический. Крепла уверенность, что он попусту тратит своё драгоценное время, оставил университет и вернулся в Ясную Поляну, где разработал подробный план самообразования, сделав особый упор на изучение иностранных языков (вероятно, чтобы в подлиннике читать выдающихся авторов), медицины, истории, сельского хозяйства, географии и многих других. Толстой знал десять языков; греческим, например, овладел всего лишь за три месяца. В 19 лет стал вести дневник. В это же время его одолела пылкая страстишка — игра в карты, где ему всегда не везло. Чтобы скрыться от одного из проигрышей, Толстой отправился на Кавказскую войну вместе со своим старшим братом Николаем...

Самостоятельно полученных знаний Л.Н. Толстому хватило на всю его творческую жизнь. И хотя он в школе не учился, всё-таки называл её самым светлым периодом жизни. Несмотря на такой возвеличивающий отзыв, он хотел выкорчевать систему школьного обучения, которая существовала тогда в России. Уже будучи известным писателем, он увлёкся педагогическими исследованиями. Для более глубокого понимания процессов обучения и воспитания побывал в зарубежных странах, в том числе в Германии, которая считалась тогда самой передовой в сфере педагогики. И был немало расстроен увиденным: бессмысленное заучивание материалов, постоянные молитвы, телесные наказания учеников. Нет, не мог он согласиться с подобной системой образования и воспитания.

Никакие европейские стандарты не отвечали педагогическим понятиям Толстого. После возвращения в Ясную Поляну он стал обучать крестьянских детей по-своему, как полагал, наиболее

правильно. И проводил аналогию между бедными детьми в Ясной Поляне и людьми, потерпевшими кораблекрушение. Он призывал спасти тонущих, среди которых могут оказаться выдающиеся умы России.

В созданной им школе отменили звонки и какой-либо учебный план. Дети могли являться в любое время и изучать только то, что им больше нравилось. Он хотел, чтобы школа имела учителя-друга, а не начальника, к тому же карающего за всякую провинность. В его школе отсутствовали оценки, домашние задания и наказания за неуспеваемость. Казалось бы, при таком подходе к школьным правилам, дети должны были прогуливать занятия, но это не так — они с удовольствием ходили в школу. И никто не указывал, с кем им сидеть за партой. Толстой разделил школьный день на две части: сначала обычные занятия с педагогом, после чего они могли заниматься, чем пожелают. В том числе вместе с педагогом Львом Николаевичем изучали природу и окрестности родной Ясной Поляны.

К сожалению, открытая Толстым столь необычная школа просуществовала всего полтора года. Власть предрержащие не хотели, чтобы где-то велось обучение не по государственным стандартам. «Быть как все!» — требовали они и принимали жёсткие меры к тем, кто противостоял установленному порядку. Даже к таким личностям, как Толстой. В отсутствие писателя представители закона обыскали школу, изъяли часть литературы и какие-то методические пособия и закрыли её.

Однако государство не могло запретить педагогическую деятельность в книгах писателя. В его романах, рассказах можно видеть воззрения художника слова на проблемы воспитания и образования. В частности, в «Войне и мире» в семье Ростовых он показывает, что главными опорами при воспитании детей становится любовь, чуткое отношение друг к другу и взаимопонимание. Самобытными чертами характера отличаются герои его детских рассказов и басен для детей, они также весьма нравоучительны. В известном рассказе «Лгун» пастушок овец зовёт на помощь — к отаре якобы крадёт волк. Мужики прибежали на помощь — волка нет. Глупая шутка удалась пару раз, когда же набежал настоящий волк, мужики подумали, что это очередной обман, и не послушали пастуха. Волк перерезал всё стадо.

В качестве основы педагогической деятельности Толстой обращал внимание на внутренний мир ребёнка, его интересы и предпочтения. Важнее всего была личность ученика, её поддержка

и формирование без принуждения. Это легло в основу его педагогических установок: создание атмосферы дружбы и взаимодействия в школе; развитию любознательности учеников; объединение интеллектуального и физического развития; развитие возможности детей подходить к обучению творчески и самостоятельно — при минимальном участии преподавателя; коренная связь основной программы с внеурочными занятиями.

Большое значение Толстой придавал межпредметным дисциплинам. Ученикам предлагалось не просто изучать определённые данные, а наращивать свой жизненный опыт, учиться воспринимать базовые истины, следовало включать в учебный процесс знание русского фольклора, понимание родной природы и её явлений.

Жаль, что яснополянская школа просуществовала столь короткое время. Не исключаем, что, будь у неё более длительный срок, мы получили бы немало интересных, а возможно, и выдающихся личностей. Педагогические идеи Толстого доказали, что обучение может быть не только тяжёлым трудом, но и увлекательным занятием, которое приносит удовольствие и радость.

В педагогике среди многих дидактических принципов, к сожалению, не обозначен принцип усердия и профессиональной этики. Но он, как ни в какой другой науке, должен в ней быть. Точно так же, как в искусстве, ибо здесь мы соприкасаемся с предметом нашей заботы не только руками и головой, но и душой, и сердцем. И хорошо. И будем это помнить.

Завершая разговор о двух выдающихся деятелях русской культуры, не обошедших своим вниманием проблемы образования и воспитания, выразим надежду, что их труды явятся необходимым подспорьем для тех, кому небезразлично нынешнее состояние педагогической и дидактической мысли в нашей стране. А это родители и школы, учителя и преподаватели и, разумеется, наше государство, кому доверено самое драгоценное, что у нас есть — дети.

Санкт-Петербург, март–апрель 2023 года